

УДК 94(476)"1941/1944"

DOI 10.52928/2070-1608-2024-69-1-81-83

**БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ БЕЛАРУСИ
В ХОДЕ КАРАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ НАЦИСТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ УСТНОЙ ИСТОРИИ)***канд. ист. наук, доц. Е.А. ГРЕБЕНЬ**(Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск)*

В статье на основе воспоминаний жителей Витебской области Беларуси, переживших германскую оккупацию 1941–1944 годов, характеризуются повседневные практики выживания людей во время карательных операций нацистов. Рассматриваемый регион отличался значительными масштабами сопротивления германским оккупантам. Реакцией оккупационных властей на действия партизан стало проведение множества карательных операций, в ходе которых гражданское население тотально уничтожалось или захватывалось в качестве рабочей силы для отправки в Германию. В результате мирные жители, спасаясь от карателей, вынуждены были уходить в леса, по многу месяцев находились в лесных лагерях, лишённые практически всего необходимого. Вынуждено адаптировались к ситуации, вырабатывали специфические практики, позволявшие отыскать пропитание, построить укрытие и выжить в экстремальных условиях.

Ключевые слова: оккупация, карательные операции, повседневность, выживание, устная история.

Введение. В распоряжении исследователей германской оккупации Беларуси 1941 – 1944 гг. имеется значительный корпус документов, детально иллюстрирующих оккупационную повседневность: распоряжения германских военных и гражданских структур, местной вспомогательной администрации и полиции. В то же время следует отметить, что вышеуказанные документы в большей степени касаются положения городского населения и сельских жителей территорий, которые более-менее продолжительное время контролировались оккупационными властями, где функционировали волостные управы, осуществлялся сбор натуральных налогов и привлечение местных жителей к исполнению обязательной трудовой повинности [1]. Относительно же территорий, оперативно взятых под контроль партизанами, где власть сельских старост и волостных бургомистров стала номинальной или была оперативно ликвидирована партизанами полностью, единственным источником по военной повседневности являются воспоминания очевидцев оккупации. Поскольку эти территории являлись ареной постоянных боестолкновений оккупантов и партизан, в воспоминаниях местных жителей преобладают сюжеты, связанные с карательными операциями нацистов. Только в Витебской области было проведено 45 крупных карательных операций [14, с. 344–347]. В статье на основе воспоминаний жителей Витебщины – очевидцев германской оккупации будет охарактеризована борьба за выживание в экстремальной ситуации карательных операций.

Основная часть. С ростом масштабов сопротивления нацистским оккупантам все больше деревень выходило из-под контроля оккупационных властей. Населенные пункты оказывались либо в партизанских зонах, либо на пограничье контролируемых партизанами и оккупантами территорий. Соответственно, антипартизанские акции оккупантов рано или поздно затрагивали абсолютное большинство мирных граждан. Сожжение соседних деревень, казни подозреваемых в связях с партизанами формировали у большинства граждан понимание необходимости принятия экстренных мер для спасения жизни и имущества [7]. Изредка о предстоящей карательной операции предупреждали размещённые в доме на постой немецкие солдаты [5].

Жители деревень, заранее оповещённых о наступлении карателей, имели возможность взять с собой в лес что-либо из продуктов, но унести на себе много не могли [10]. Практиковалось также закапывание ценностей в землю накануне ухода из деревни [12]. В других случаях мирные жители уходили в ходе организованной партизанами эвакуации. Какое-то время расселялись в подконтрольных партизанам деревнях, но позднее все равно оказывались в лесу. Эвакуированных жителей Россонского района партизаны старались переправить (часто под обстрелами и бомбежкой) в уже освобождённую Калининскую область РСФСР [3; 12]. В таких случаях люди успевали забрать скот. При этом нередко на новом месте жительства и хозяева, и беженцы испытывали лишения, нечем было кормить животных. Эвакуированная жительница д. Альбрехтово Россонского района вспоминает, что на новом месте приходилось подвешивать корову, которая не могла стоять от голода [12].

Чаще всего бегство в лес происходило в крайне сжатые сроки, когда от партизан или соседей поступала информация о наступлении карателей, или люди оценивали ситуацию по зареву над соседними деревнями, поэтому уходили в лес второпях, взяв с собой немного продуктов и фуража для лошади. Неожиданное приближение к деревне немцев вынуждало людей спешно покидать дома в том, что было на них надето [4]. В ходе поспешного бегства не всегда забирали всех членов семьи. Жительница д. Якубово Россонского района сообщает, что в лес не взяли больную нетранспортабельную мать, оставив ее в деревне с двумя пожилыми женщинами. Позднее ее забрали, но пожилые женщины (очевидно, одинокие) остались и были найдены в сожженном сарае (люди узнали про уничтожение деревни по лаю собак) [8].

Сожжение деревни (узнавали по зареву) могло вызывать радость, поскольку это означало, что отсюда уйдут каратели [2].

Карательная экспедиция могла продолжаться неделями, потом в этом же районе повторяться, и люди вынуждены были месяцами прятаться в лесу (информанты из Россонского района часто оценивают время пребывания в лесу в девять месяцев), часто менять дислокацию своего лагеря, перебираясь в более безопасное место [7]. Порой, в лесу

жили до освобождения района Красной армией [10; 2]. Многомесячное и даже многолетнее (если приходилось уходить в лес неоднократно) пребывание детей в лесных лагерях имело следствием то, что дети вырастали из одежды, в которой покинули дом. Реальностью было вынужденное нахождение в лесу по многу месяцев до наступления холодов (люди могли покинуть деревню в теплую пору); детей обматывали платками, чтобы согреть [4].

Кому-то из беженцев удавалось замаскировать лагерь (сажали ели вокруг), и немцы его не обнаружили [8]. Беженцам приходилось постоянно сохранять бдительность. Типичной практикой стал ночлег под деревом. В теплое время года сознательно спали снаружи землянок, дежурили на случай прихода в лагерь немцев [7]. Костры или печи-буржуйки жгли ночью, чтобы дым не демаскировал лагерь. Ночью же ходили за водой на озеро [10; 11]. Иногда боязнь выдать место расположения лесного лагеря дымом костра вынуждала людей не жечь его вовсе, проводя по многу дней сидя или лежа в снегу [7].

В большинстве случаев уход в лес являлся отсрочкой встречи с карателями. В ходе внезапного появления карателей люди разбегались, оставляя в землянках больных и стариков, переходили в запасные лагеря, переживали приход врагов в болоте. Не успевшие выбежать их землянок гибли от разрывов гранат, убегающих расстреливали. Порой каратели возвращались в лагерь несколько раз (вечером и утром), понимая, что сюда могут вернуться уцелевшие, и подрывали землянки. В лагере могли перемешиваться жители деревень из разных районов, например, бежавшие из Верхнедвинского района вглубь Россонского (очевидно, в ходе операции «Зимнее волшебство») [6]. Партизаны перемешивались с мирными жителями [2].

Часть обнаруженных в лесу беженцев направлялась на принудительные работы. Например, жительница д. Селявина Россонского района была захвачена в лесу, отправлена в д. Клястицы и оттуда на работу в Германию [6]. Жительница д. Шалашники того же района утверждает, что их обнаружили «народники» (разговаривали по-русски). Обнаружили по следам в болоте, где люди искали подножный корм. Их погнали в лагерь в г. Себеж и далее на торфозавод в Эстонию [9]. Даже если лагерь не обнаруживался, беженцы видели, что их разыскивают. Среди фигурантов карательных операций, кроме немцев, упоминаются «народники» (бойцы русских прогерманских вооруженных формирований), латыши и украинцы [7; 8; 9].

После окончания экспедиции и до начала следующей или до освобождения района мирные жители обустроивались надолго, рыли землянки (некоторые информанты используют термин «траншеи») или делали шалаши. Землянки могли быть подготовлены и заблаговременно, если уже имелся опыт ухода в лес, осознавалась опасность быть убитыми и увезенными в концлагерь, в Германию, поэтому новую экспедицию встречали, находясь в лесу [2; 4; 6]. После многомесячных страданий у людей вырабатывалась боязнь человека в униформе, поэтому известия об освобождении от партизан или красноармейцев встречали с недоверием [7].

В ситуации, когда уход в лес был не спонтанным, беженцы имели время взять с собой продукты на какое-то время, тем не менее, невозможно было создать запас продуктов и фуража для скота на продолжительное время [7]. Люди варили мясо убитых лошадей («каня уб'юць, людзі зарэжуць, з'ядуць») [13; 8]. Каратели неделями прочесывали леса, поэтому часть увезенного с собой скота доставалась немцам [2]. Если оставленные жителями деревни не сжигались немцами сразу же, мужчины совершали ночью вылазки за продуктами [2; 8]. Походы в покинутые дома и за картошкой на огороды получили название: «на паляванне», «на заготовку» [7; 10].

Иногда жившие в лесу люди находили склады продуктов (зерно, мука) в оставленных партизанами лагерях, что позволяло продержаться в лесу многие месяцы [2; 7; 8; 13]. Зерно мололи ручными жерновами, стараясь не шуметь, и пекли хлеб. Приходилось соблюдать осторожность; те, кто осмеливался ходить днем, были убиты или захвачены немцами [8].

Имевшая место в годы оккупации экстремальная гастрономия достигала немислимых масштабов в условиях пребывания в лесу. Приходилось употреблять трупы павших животных и всевозможные растения («і траву елі. (...) называлися «пучкі», яна красным цвіце. Іх насморгаеш – кіслае. І асот елі, і мякіну елі, і коней здохлых елі») [8; 7; 6]. Жительница пос. Освея упоминает повторную варку говяжьих костей, найденных на месте бывшей стоянки в снегу: «И стали это варить. И мне до сих пор этот бульон помнится: вода, но плавало что-то чуть-чуть жиру». В момент карательной операции приходилось постоянно перемещаться по лесу без еды, маскируя следы своего пребывания. Мать информанта растапливала снег в жестянке, размешивая в воде немного муки [4]. Жительница д. Шалашники Россонского района вспоминает, что в ноябре месяце была зарезана взятая в лес корова, внутренности которой были выброшены возле лагеря, однако не тронуты зверями, а весной их пришлось уже употреблять в пищу самим беженцам. Мужчины ходили по местам уничтожения в лесах мирных жителей, где оставались трупы застреленных коров и лошадей, и приносили мясо. Весной и летом не было и этого, поэтому в пищу употребляли росшую в болоте траву [6].

Помощь продуктами питания могли оказывать партизаны, если в лагере жили их семьи и односельчане. Часть продуктов реквизирувалась в подконтрольных немцам деревнях у семей полицейских. Партизаны Верхнедвинского и Россонского районов совершали рейды в Латвию, откуда приводили скот и приносили продукты, часть из которых отдавали гражданским [4; 8; 10]. Жительница пос. Освея вспоминает: «Партизаны ходили (у меня и отец ходил) в Латвию, гарнизоны громить. Так вот разгромят там какой гарнизон и пригонят сюда семь – десять коров в лес. (...) давали этих коров, чтоб доили и кормили деток. А сами потом забирали по очереди коров, резали мясо, а все остальное – головы, ноги и все внутренности – отдавали людям, чтоб готовили кушать себе» [4]. Жительница г. Верхнедвинска также подтверждала помощь со стороны партизан: «Бывала прынясуць там. У Латвію, асобенна, хадзілі на заданні, барана там, абработаюць, на кастрэ зварам і хлебаем то поліўку якую, то суп які. Картошку торбачкамі насілі. Там жа людзі садзілі ў Латвіі. (...) мы ім памагалі, і яны нам» [10]. Другие информанты говорят об отсутствии помощи со стороны партизан и даже реквизиции скота и мародерстве (не местные уроженцы) [7; 13; 2].

Среди полуголодных, находящихся в антисанитарных условиях обитателей лесных лагерей вспыхивали болезни, в первую очередь, тиф, которым переболели многие информанты, или же они упоминают массовость данного явления) [6; 8; 11]. Кто-то переносил тиф «на ногах» («балеў і балеў! Не памёр – выжыў») [7]. В других случаях больные подолгу лежали, не получая лечения. В случае с одной из жительниц Россонского района лечение сводилось к прикладыванию раскаленной на костре сковороды к телу [6]. Тиф также приводил к тому, что ослабленные болезнью люди не успевали бежать от карателей [6]. Последствия тифа проявлялись продолжительное время. Один из информантов описывает ситуацию так: «И вот восемнадцать дней я лежала, а потом после тифа на теле чесалось. Чешется и потом волдырь как после ожога. У меня глаза остались и подошва, я вся вот такая была. В таких болячках. Они потом лопались. И чулочки у меня вросли и подошва, нельзя было снять. И вот этим лошадиным жиром (мама там его растопила в шалаше, разводили ж огонь...) и помазала этим жиром. Медикаментов никаких же не было» [4]. Помощь партизанских врачей в имеющихся в распоряжении автора воспоминаниях не зафиксирована, несмотря на то, что с партизанами гражданское население контактировало регулярно [7; 10].

Заключение. Таким образом, проживание в местности, в которой перманентно проводились карательные операции, порождало у граждан перманентное ощущение опасности, вынуждало заранее готовить лесные укрытия и создавать запасы продуктов. Информанты в меньшей степени описывают повседневность начального периода оккупации, но детально характеризуют обстоятельства, при которых пришлось покинуть дом, описывают лесные лагеря, экстремальную гастрономию, болезни и иные аспекты сурового быта беженцев. Воспоминания являются исключительно важным источником, показывающим, каким образом жителям Беларуси приходилось выживать в лесах в ходе карательных операций нацистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны. Витебская область. Сб. архив. док. и материалов / сост.: А.Р. Демянюк, В.Д. Селеменев и др. – Минск: НАРБ; М.: Фонд «Историческая память», 2020. – С. 344–347.
2. Воспоминания Бондаревой Евгении Кондратьевны, 1922 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Великое Болото Россонского района; аудиозапись (10 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
3. Воспоминания Завгородней Нины Зосимовны, 1926 г.р., записаны 11.05.2019 г. в д. Бирюзово Россонского района; аудиозапись (42 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
4. Воспоминания Зыковой Александры Герасимовны, 1934 г.р., записаны 9.09.2014 г. в г/п Освея Верхнедвинского района; аудиозапись (58 минут на русском языке) хранится в личном архиве автора.
5. Воспоминания Койры Фелиции Бернардовны, 1927 г.р., записаны 12.08.2017 г. в д. Ковали Поставского района; аудиозапись (1 час 3 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
6. Воспоминания Лебедевой Ольги Ивановны, 1927 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Шалашники Россонского района; аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
7. Воспоминания Миньковой Александры Филипповны, 1928 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Павлово Россонского района; аудиозапись (26 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
8. Воспоминания Полевечко Марии Александровны, 1922 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Якубово Россонского района; аудиозапись (45 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
9. Воспоминания Рубашенко Надежды Ивановны, 1932 г.р., записаны 12.05.2019 г. в д. Селявщина Россонского района; аудиозапись (25 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
10. Воспоминания Сандар Галины Евдокимовны, 1923 г.р., записаны 9.09.2014 г. в г. Верхнедвинске; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
11. Воспоминания Храменок Ольги Андреевны, 1935 г.р., записаны 23.02.2009 г. в г. Лепель; аудиозапись (43 минуты на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
12. Воспоминания Шаркель Любови Макаровны, 1933 г.р., записаны 11.05.2019 г. в д. Альбрехтово Россонского района; аудиозапись (36 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
13. Воспоминания Шевцовой Валентины Ивановны, 1929 г.р., записаны 11.05.2019 г. в д. Янковичи Россонского района; аудиозапись (16 минут на белорусском языке) хранится в личном архиве автора.
14. Документы по истории Великой Отечественной войны в государственных архивах Республики Беларусь: аннот. справ. / авт.-сост.: С.В. Жумарь и др. – Минск: БелНИИДАД, 1998. – 254 с.

Поступила 02.12.2023

THE STRUGGLE FOR THE SURVIVAL OF THE CIVILIAN POPULATION OF BELARUS DURING THE NAZI PUNITIVE OPERATIONS (BASED ON ORAL HISTORY MATERIALS)

Ya. HREBEN

(Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk)

The article is based on the memories of residents of the Vitebsk region of Belarus who experienced the German occupation from 1941 to 1944. It characterizes the everyday survival practices of people during punitive operations by the Nazis. The region under consideration was distinguished by significant resistance to the German occupiers. The occupation authorities responded to partisan actions by carrying out numerous punitive operations, during which the civilian population was either completely destroyed or taken as forced labor to be sent to Germany. As a result, residents, in order to escape the punishers, were forced to flee to the forests and spent many months in forest camps, deprived of practically everything necessary. They were forced to adapt to the situation and develop specific practices that allowed them to find food, build shelter, and survive in extreme conditions.

Keywords: occupation, punitive operations, everyday life, survival, oral history.